

I. Антизападные идеологические течения в постсоветской России и их истоки (6)

Алан Ингрэм

Геополитика и неофашизм Александра Дугина в контексте постсоветской России*

«Многие люди (...) возненавидят новый мировой порядок; они станут несчастными из-за неспособности реализовать свои эмоции и амбиции в процессе его наступления и умрут в борьбе против него.»¹

Герберт Джорж Уэллс (1940)

«Похоже, что в непростые постмодернистские времена (...) геополитические мечты и визионеры плодятся и множатся.»²

Джерард О'Туатал (1998)

Несмотря на то, что в западных научных исследованиях зачастую уделяется незначительное внимание российским геополитическим концепциям и традициям³, существует, тем не менее, ряд работ, в которых анализируются реакции российских геополитиков на ситуацию, сложившуюся в мире после окончания Холодной войны⁴. В данной статье я ставлю своей целью внести свой вклад в расши-

* Ранее опубликовано на английском языке в журнале *Political Geography* (2001. Vol. 20. № 8. С. 1029-1051). Я благодарю трех анонимных рецензентов этого журнала за их конструктивную критику. Я также благодарен Стивену Шенфилду за то, что он поделился со мной своими мыслями о российской геополитике и фашизме. Шенфилд, а также участники ежегодных заседаний Ассоциации изучения наций (1998) и Королевского географического сообщества – Института британских географов (2000), сделали ценные замечания к черновому варианту данной статьи. Я также благодарен Филу Стиклеру за воспроизведение карт. В проведении исследования мне помогала Кли Барри. Тем не менее, я несу полную ответственность за содержание данной статьи.

¹ Wells, H. *The New World Order*. L., 1940. С. 170.

² O'Tuathail, G. Introduction: Thinking Critically about Geopolitics // *The Geopolitics Reader* / Ed. G. O'Tuathail, S. Dalby, P. Routledge. L., 1998. С. 2.

³ См., например: Dodds, K., Atkinson, D. *Geopolitical Traditions*. L., 2000.

⁴ Dijkink, G. *National Identity and Geopolitical Visions: Maps of Pride and Pain*. L., 1996; Erickson, J. «Russia Will Not Be Trifled With»: Geopolitical Facts and Fantasies // *Journal of Strategic Studies*. 1999. Vol. 22. № 3. С. 242-268; Kerr, D. *The New Eurasianism: The Rise of Geopolitics in Russia's Foreign Policy* // *Europe-Asia Studies*. 1995. Vol. 47. № 6. С. 977-988; O'Loughlin, J. *Geopolitical Fantasies and Ordinary Russians: Perception and Reality in the Post-Yeltsin Era*. <http://www.colorado.edu/IBS/PEC/johnno/pub/pittsburgh.pdf>; Smith, G. *Masks of Proteus: Russia,*

рящуюся дискуссию по данной проблематике и представить критический анализ работ Александра Дугина, известного и плодовитого приверженца геополитики в России.

В России рост интереса к геополитике начался в первом десятилетии после крушения Советского Союза. В бесчисленных газетных статьях геополитика представлялась важным фактором российских политических стратегий, начиная с проблем русской диаспоры⁵ и заканчивая сферой образования⁶. Несколько книг непосредственно посвящены геополитическим темам⁷, а сама геополитика начала постепенно институализироваться⁸. Обычно утверждается, что компетентность в области геополитических учений играет ключевую роль в сохранении российской идентичности и власти, статуса страны и даже для установления социальной справедливости в планетарном масштабе (в случае с Зюгановым⁹). Как пишут во введении к одному университетскому учебнику, для российских студентов крайне важно изучать геополитику в связи с угрозами, которые представляет для России «экспансионистская политика» вдохновляемого Соединенными Штатами «нового мирового порядка», Великой Европы, Великого Китая и Великого Турана¹⁰. В центре современных российских геополитических концепций лежит представление об особой евразийской сущности России, что является некоторым отходом от политических концепций начала 1990-х годов, когда во внешней политике ельцинской администрации доминировали либеральные и западнические идеи¹¹.

Источник официального подхода к евразийству лежит во внешнеполитическом идеологическом направлении, получившем название «демократический этатизм» и являющемся одним из трех направлений, в контексте которых, согласно Грэму Смиуту, разрабатывались идеи евразийства. Демократический этатизм основывается на том, что идентичность и интересы России необязательно совпадают с идентичностью и интересами Запада, однако они также необязательно противопоставлены друг другу. Идеи Александра Дугина находятся в русле новоправой

Geopolitical Shift and the New Eurasianism // Transactions of the Institute of British Geographers. 1999. Vol. 24. № 4. С. 481-494; Tsygankov, A. Hard-line Eurasianism and Russia's Contending Geopolitical Perspectives // East European Quarterly. 1998. Vol. 32. № 3. С. 315-334.

⁵ Градировский, С., Тупицын, А. Диаспоры в меняющемся мире. Политика государства в отношении соотечественников за рубежом – важная часть геополитики // Содружество НГ (Приложение к «Независимой газете»). 1998. № 7(8).

⁶ Садовничий, В., Ваганов, В. МГУ – это субъект геополитики // Соотечественники: русская культура вне границ. 2000. № 2. С. 35-39.

⁷ Сорокин, К. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996; Дугин, А. Основы геополитики: геополитическое будущее России. М., 1997; Он же. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 1999; Митрофанов, А. Шаги новой геополитики. М., 1997; Гаджиев, К. Введение в геополитику. Учебник. М., 2000; Жириновский, В. Геополитика и русский вопрос. М., 1998; Зюганов, Г. География победы: Основы российской геополитики. М., 1998; Нартов, Н. Геополитика: Учебник для вузов. М., 1999.

⁸ Erickson. «Russia will not be trifled with».

⁹ Зюганов. География победы.

¹⁰ Нартов. Геополитика. С. 4.

¹¹ Kerr. The New Eurasianism; Tsygankov A. Hard-line Eurasianism.

школы евразийства, а сам он предлагает гораздо более радикальный подход к проблеме «нового мирового порядка». С одной стороны, довольно сложно утверждать, что работы Дугина напрямую повлияли на российскую внешнюю политику, но, с другой стороны, также сложно согласиться с Уолтером Лэйкером, который пишет, что «новые формулировки старых геополитических и евразийских идей, утилизация теорий иудео-масонского заговора под маркой «мондиализма» и переработка немецкой метафизической философии с добавлением нео-язычества вряд ли станут чем-то большим, кроме как салонными играми горстки интеллектуалов»¹². Кроме новых правых, Смит также выделил коммунистическое евразийство, которое он ассоциирует с Геннадием Зюгановым, лидером Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). Новые правые и коммуно-евразийство отличаются от демократического этатизма по нескольким пунктам. Наиболее заметным отличием является их радикализм и фундаментальная враждебность по отношению к Западу, которую, возможно, следует считать определяющей концептуальной линией упомянутых доктрин. Новоправая школа, которую Цыганков называет «жестким евразийством», отличается от коммунистической в частности, тем, что она скорее связана с фашистскими и неофашистскими учениями (тем их вариантом, который дал школе ее название), чем с наследием Советского Союза. Или, возможно, было бы правильнее сказать, что новоправая школа объединяет фашистские и неофашистские учения с советским наследием. В определенной мере эти различия имеют отношение к идеологии, но они также касаются личной и организационной истории и соперничества. Эти два направления в российской «непримиримой» или «патриотической» оппозиции сошлись вместе в «красно-коричневой» (коммуно-фашистской) коалиции, противостоявшей ельцинскому режиму начиная с 1991 года. Хотя эта коалиция потерпела политическое поражение в октябре 1993 года, когда Верховный Совет – основной оплот красно-коричневой оппозиции – был насильственно распущен по приказу Ельцина, связи между ее основными лидерами по-прежнему существуют.¹³ Сам Дугин стал советником Геннадия Селезнева, одного из лидеров КПРФ и спикера Государственной Думы РФ, который утверждал, что работы Дугина следует использовать в школьной программе¹⁴.

Элленсворт считает, что значение Дугина для оппозиционного движения еще недостаточно полно изучено¹⁵, а его геополитическим взглядам до сих пор не

¹² Laqueur, W. *Black Hundred*. New York, 1993. С. 291.

¹³ О политических перспективах этого движения см. дебаты «Веймарской России»: Янов А. После Ельцина: «Веймарская» Россия. М., 1995; Hanson, S., Kopstein, J. *The Weimar/Russia Comparison // Post-Soviet Affairs*. 1997. Vol. 13. № 3. С. 252-283; Они же. *Paths to Uncivil Societies and Anti-Liberal States: A Reply to Shenfield // Post-Soviet Affairs*. 1998. Vol. 14. № 4. С. 369-375; Shenfield, S. *The Weimar/Russia Comparison: Reflections on Hanson and Kopstein // Post-Soviet Affairs*. 1998. Vol. 14. № 4. С. 355-368.

¹⁴ Nosick, A. *Internet Wars // Moscow News*. 10 марта 1999.

¹⁵ Allensworth, W. *The Russian Question: Nationalism, Modernization, and Post-Communist Russia*. Oxford/Lanham, MD, 1998. С. 248.

уделялось пристальное внимание в рамках политической географии¹⁶. Дугин родился в 1962 году в Москве в семье военных. Он изучал иностранные языки и историю, а в дальнейшем начал переводить философские и геополитические работы на русский язык. Как интеллеktуал и политический активист Дугин приобрел известность в конце 1980-х годов, когда он вступил в «Память» – небольшую, но весьма заметную крайне правую организацию, созданную, по всей видимости, с благословения отдельных представителей советского истеблишмента. О российских новых правых заговорили в 1990 году. Именно тогда начались оформляться контакты с европейскими новыми правыми – Аленом де Бенуа и Робертом Стойкерсом, с которыми Дугин провел в 1992 году круглый стол; в его работе также приняли участие старшие российские военные чины¹⁷. Затем он стал главным идеологом Национал-большевистской партии (НБП), а в 1995 году избирался как независимый кандидат в Думу по северо-западному округу Санкт-Петербурга, набрав 2493 голоса (или 0,85%)¹⁸. Дугин вышел из НБП в 1998 году после конфликта с ее лидером Эдуардом Лимоновым. Достаточно долгое время Дугин поддерживал взаимоотношения с Александром Прохановым, «серым кардиналом» непримиримой оппозиции и главным редактором газет *День* и *Завтра*, в которых выходили многие ранние статьи Дугина.

Помимо публикаций в *Дне*, *Завтра* и в своем собственном журнале *Элементы*, Дугин выпускал газету *Вторжение* и альманах *Милый Ангел*, а также основал в Москве «Новый Университет» и «Центр специальных метастратегических исследований». Его издательство «Арктогея» издало русские переводы *Кризиса современного мира* французского эзотерика Рене Генона и *Языческого империализма* итальянского фашистского мыслителя Юлиуса Эвола. Кроме того, Дугин стал с энтузиазмом использовать возможности Интернета, несмотря на то, что российские антифашисты проводили акции прямого действия против веб-сайтов подобных дугинским¹⁹. Газета *День* была основана, по всей видимости, при поддержке Главного политического управления Советской армии и флота в ответ на либеральные издания²⁰. В данном контексте также следует отметить, что «Арктогея» поддерживает связи с *Ориентиром* – ежемесячным журналом Министерства обороны РФ, целевой аудиторией которого является офицерский состав. Несмотря на некоторые перебои, веб-сайт «Арктогеи» доступен по адресу <http://arctogaia.com>²¹.

¹⁶ Он объясняет значимость геополитики в современной России преимущественно собственными усилиями по ее популяризации (интервью с автором, 17 сентября 1998).

¹⁷ Laqueur. *Black Hundred*. С. 138.

¹⁸ Polivanov, S. *Fascism Didn't Sell* // *Moscow News*. 14 марта 1996.

¹⁹ Nosick. *Internet Wars*.

²⁰ Laqueur. *Black Hundred*. С. 139.

²¹ По мнению Дугина, «люди Арктогеи (...) абсолютно потеряны в современном мире, отчуждены и обособлены. Они тотально отвергают апокалиптическое царство современности и также тотально утверждают свою преданность альтернативному миру, миру Традиции». <http://arctogaia.com/public/eng2.htm>.

В одном из интервью Дугин указывает на значение Интернета для американских народных дружин²². В настоящее время все выпуски *Элементов*, а также многие книги Дугина доступны через его веб-сайт «Evrazia.info»²³. В апреле 2001 года он основал Общероссийское политическое общественное движение «Евразия», которое осуществляло попытки влияния на внутрироссийские политические дебаты с евразийской точки зрения²⁴.

Когда Владимир Путин стал президентом России, популярность Дугина увеличилась, а официальная евразийская ориентация России стала еще более консолидированной. В ельцинскую эпоху люди вроде Дугина официально считались изгоями, но при Путине лозунги о российской великодержавности стали не просто приемлемыми, но и неотъемлемыми элементами официального дискурса. Бывшие оппозиционеры приветствовали многие положения программы Путина, а сам Дугин с энтузиазмом принял путинское описание «евроазиатской» идентичности России²⁵. В некотором смысле хорошие взаимоотношения также установились между президентом и Думой, при которой был создан Центр геополитических экспертиз, возглавленный Дугиным. Он стал часто публиковаться на веб-сайте «Strana.ru», принадлежащем Глебу Павловскому, одиозному советнику Путина.

В данной статье анализируется книга Дугина *Основы геополитики: геополитическое будущее России*, впервые опубликованная в 1997 году и написанная при поддержке преподавателя кафедры стратегии Военной академии Генерального штаба РФ. В эту книгу, описываемую как учебник, вошел материал, который публиковался в *Дне*, *Завтра* и *Элементах* в 1990-х годах. За первым изданием *Основ геополитики* вскоре последовало второе. Третье издание было опубликовано в 1999 году, и в него вошла вторая книга *Мыслить пространством*²⁶. Первые два издания были быстро распроданы, а книги первого тиража третьего издания (5000 экземпляров) уже в сентябре 1999 года было достаточно трудно купить в Москве.

Здесь я рассматриваю три главные темы. Первая тема касается отношений между геополитикой, властью и знанием. В терминах О'Туатала, этими взаимоотношениями занимается формальная геополитика, объектом которой являются геополитические доктрины и традиции, а проблематикой – интеллектуалы, институты и их политико-культурный контекст²⁷. Формальная геополитика критикуется со многих позиций, но два широких направления критики можно считать

²² Дугин, А., Исаев, А. INTER-РЕВОЛЮЦИЯ или геополитика нового информационного пространства. <http://web.archive.org/web/20000914061646/http://www.sccamoscow.ru/lab/myth/d0/dugin.htm>; Castells, M. *The Power of Identity*. L., 1997.

²³ <http://evrazia.info/modules.php?name=News&file=article&sid=71>.

²⁴ Дугин, А. Евразийство: от философии к политике // Независимая газета. 30 мая 2001. http://www.ng.ru/ideas/2001-05-30/8_philosophy.html.

²⁵ Там же.

²⁶ Указанные далее номера страниц относятся к изданию 1999 года.

²⁷ O'Tuathail, G. *Understanding Critical Geopolitics* // *Journal of Strategic Studies*. 1999. Vol. 22. № 2-3. С. 107-124.

особенно релевантными для данной статьи. Первое направление можно назвать либеральной критикой геополитики: принимая или утверждая легитимность геополитического анализа, либеральные критики осуждают практику использования такого анализа в иных областях или же в прошлом. В качестве примера приводятся аргументы американских сторонников геополитики 1940-х годов²⁸ и патерсоновское переосмысление германской геополитики²⁹. Второе, более критическое направление подвергает сомнению либеральное разделение между «легитимными» и «нелегитимными» формами и сосредотачивает внимание на проблемной природе всего комплекса геополитических знаний, указывая на изнуряющий картезианский перспективизм, паноптизм, редукционизм, элитизм, эссенциализм и вычерчивание образа Другого в контексте геополитического созерцания³⁰. Таким образом, вся геополитика подвергается сомнению из-за того, что она подчиняет географию властным стратегиям, и, следовательно, является несовместимой с идеей «подлинно космополитического, пост-территориального общества»³¹. Поэтому здесь, следуя принципам данного критического направления, я не ставлю себе целью создание легитимного пространства для предположительно либеральной геополитики (например, для взглядов Бжезинского³²) или одобрение взглядов панически настроенных ученых мужей³³, хотя открытое утверждение воли к власти, представленное в работе Дугина, обозначает, что его книга может быть использована прямо по назначению.

Вторая тема исследования касается взаимоотношений формальной геополитики и неофашизма, который понимается, вслед за Роджером Гриффином³⁴, как движение, адаптирующее первоначальные идеи фашизма к послевоенной ситуации, а в нашем контексте и к эпохе после окончания Холодной войны. Здесь я выделяю две проблемы. Первой проблемой является само определение фашизма, ведь «фашизм» оказался гораздо более сложным и спорным термином, чем «геополитика», что подтверждает огромное количество литературы, посвященной данному вопросу³⁵. Осознавая угрозы, присущие рационализации и нормализации феномена, который в широких кругах считается нелегитимным, я исхожу из

²⁸ O'Tuathail, G. *Critical Geopolitics*. L., 1996.

²⁹ Paterson, J. *German Geopolitics Reassessed* // *Political Geography Quarterly*. 1987. Vol. 6. № 2. С. 107-114.

³⁰ *The Geopolitics Reader* / Ed. G. O'Tuathail et al.; O'Tuathail. *Critical Geopolitics*; O'Tuathail. *Understanding Critical Geopolitics*.

³¹ Heffernan, M. *Balancing Visions: Comments on Gearoid O'Tuathail's Critical Geopolitics* // *Political Geography*. 2000. Vol. 19. № 3. С. 351.

³² Brzezinski, Z. *A Geostrategy for Eurasia* // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. № 5. С. 50-64; Он же. *The Grand Chessboard*. New York, 1997.

³³ См., например: Clover, C. *Dreams of the Eurasian Heartland* // *Foreign Affairs*. 1999. Vol. 78. № 2. С. 9-13; Он же. *Will the Russian Bear Roar Again?* // *Financial Times*. 2 декабря 2000.

³⁴ *Fascism* / Ed. R. Griffin. Oxford, 1995.

³⁵ Сборники под редакцией Лакёра и Гриффина предоставляют прекрасную возможность познакомиться как с работами фашистов, так и с различными академическими интерпретациями фашизма: *Fascism: A Reader's Guide* / Ed. W. Laqueur. Berkeley/Los Angeles, 1996; *Fascism* / Ed. R. Griffin; *International Fascism: Theories, Causes and the New Consensus* / Ed. R. Griffin. L., 1998.

того, что Дугина эффективно рассматривать в рамках некой широкой фашистской традиции. Данная традиция понимается как особый набор идей, которые в целом характеризуются крайней реакцией на опыт современности и выражаются посредством мифического ядра, «которое – в своих различных проявлениях – представляет собой палингенетическую форму ультранационализма», где под «палингенезом» подразумевается идея перерождения³⁶. Многие авторы и активисты, которых можно отнести к этой традиции, отвергают «фашистский ярлык». Это особенно справедливо в случае с Россией, где данный термин обычно используется лишь в отношении нацистского режима, в результате чего фашизм считается чужеродным феноменом³⁷. Дугин принимает на вооружение подобный подход, хотя он действительно открыто выражает симпатию и расположение к ранним этапам развития итальянского фашизма и немецкого национал-социализма. По его словам, итальянские фашисты сохраняли верность авангардизму, а нацисты – социализму³⁸. Второй проблемой является историческое взаимоотношение фашизма и геополитики, в особенности опыт Geopolitik в Веймарской и нацистской Германии³⁹.

Бассин настаивает на том, что расовая доктрина, которая в значительной мере определяла нацистскую разновидность фашизма, была абсолютно несовместима с пространственным детерминизмом и материализмом Geopolitik, и именно эта несовместимость стала одной из важнейших причин упадка немецкой геополитической мысли. Дугин часто аналогичным образом критикует нацистов за то, что они отдавали расе приоритет над пространством, в результате чего он вновь уходит от узкого определения «фашиста» и встает на сторону «диссидентов от фашизма». Он также критиковал постсоветское движение Русское Национальное Единство – национал-социалистическую организацию, которая в какой-то мере принимала нацистскую модель. Если расовая доктрина является неотъемлемым элементом фашизма, то тогда Дугин, конечно же, не фашист. Однако Дугин, безусловно, ссылается на многих авторов (например, на Карла Шмитта и Освальда Шпенглера), работы которых во многом повлияли на фашистов, а также использует некоторые другие фашистские темы. Если Дугин и не может считаться фашистом в узко-историческом смысле слова, он, несомненно, занимает схожее идеологическое пространство в отношении превосходства воли и пространственного детерминизма. С моей точки зрения, Дугина можно рассматривать как неофашиста и геополитика.

Третья тема исследования касается внутренних конфликтов между рационализмом и иррационализмом, научностью и мистицизмом в произведениях Дуги-

³⁶ Fascism / Ed. R. Griffin. С. 4. См. также: Griffin, R. The Nature of Fascism. L., 1991.

³⁷ См. ответ Дугина на обвинения А. Янова: <http://arctogaia.com/public/txt-yanov.htm>.

³⁸ Dugin, A. The Magic Disillusion of a Nationalist Intellectual: Discussions and Interviews. 1995. <http://arctogaia.com/public/eng-inter1.htm>.

³⁹ Bassin, M. Race Contra Space: The Conflict Between Geopolitik and National Socialism // Political Geography Quarterly. 1987. Vol. 6. № 2. С. 115-134. См. также: Murphy, D. The Heroic Earth: Geopolitical Thought in Weimar Germany 1918-1933. Kent, OH/ London, 1997.

на. В результате этих конфликтов возникают путаница и противоречия, из-за которых его работа практически не поддается традиционной интерпретации или же связному резюмированию. В некотором смысле эти проблемы обусловлены зависимостью от пространственного детерминизма, а также оккультизма, эклектизма и обычной непоследовательности⁴⁰. Дугин считает, что геополитика является наукой и, таким образом, исходит из рациональных принципов. Однако при этом он полагает, что геополитика еще не окончательно отделилась от своих истоков, лежащих в «сакральной географии» – традиционной дисциплине, которая позволяет пролить свет на темные взаимоотношения стихий, определяющих условия человеческого существования. Аргументация подобного рода нашла своих благодарных слушателей в постсоветской России, где были чрезвычайно популярны работы покойного Гумилева – советского географа и антрополога-диссидента, увлекавшегося евразийскими идеями. Одна из идей Гумилева заключалась в том, что жизненная сила человеческих сообществ зависит от импульсов «пассионарности», исходящих из космоса⁴¹. Таким образом, вряд ли стоит удивляться тому, что движущие импульсы геополитики абсолютно невозможно понять с рациональной точки зрения.

Понятие геополитики

Убеждения Дугина в отношении географических знаний понятны: «геополитика – это мировоззрение власти, наука о власти и для власти» (С. 13). Это также «наука править» (С. 14). Следовательно, можно сказать, что геополитика по своей природе является элитарным феноменом, так как только элиты могут адекватно воспринимать те абстракции, с которыми она имеет дело, и те масштабы, через которые пространство «проявляет себя». Геополитики неминуемо фанатичны; они уважают «национальные чувства» и стоят на «патриотических позициях». Геополитика также считается мировоззрением вроде либерализма или марксизма; ей неизбежно присущ редуccionизм, который позволяет «легко» концептуализировать целые исторические эпохи и интерпретировать сложные реалии в рамках концепции «человека пространственного», «предопределенного пространством, сформированного и обусловленного его специфическим качеством рельефом, ландшафтом» (С. 13). В контексте геополитического анализа пространство рассматривается как вариант денег в либеральной экономике или аналог производственных отношений в марксизме. В то же время Дугин утверждает, что геополитика еще не полностью превратилась в профанное явление и по-прежнему остается «переходной» наукой, которая черпает свое вдохновение в

⁴⁰ Peet, R. The Social Origins of Environmental Determinism // Annals of the Association of American Geographers. 1985. Vol. 75. № 3. С. 209-333.

⁴¹ См. о Гумилеве: Hauner, M. What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Today and Yesterday. L., 1990.

мистических озарениях. Таким образом, современная геополитика является продуктом частичной секуляризации и десакрализации священной географии (С. 265).

Вся история человечества целиком и полностью определяется единственным геополитическим законом – «непрерывной схваткой цивилизаций» или «великой войной континентов» между сухопутными сообществами (теллуократии или континентальные силы, находящие свое наиболее полное воплощение в России) и морскими обществами (талассократии, воплощенные в атлантистских силах, прежде всего, в США и Великобритании) (С. 15). Противопоставление «сухопутных сил» «морским» является одной из множества дуалистических схем, составляющих дугинскую геополитику (см. таблицу 1).

Таблица 1. Основные противопоставления в работе Дугина.

Земля	Вода
Суша	Море
Континент	Остров
Теллуократия	Талассократия
Центральная земля (Heartland)	Мировой остров
Рим	Карфаген
Россия, СССР	Англия, США
Евразийство	Атлантизм
Пространство	Время
Восток, Север	Запад, Юг
Герой	Торговец
Идеократия	Демократия
Воин, социалист	Капиталист
Традиция	Современность
Традиционная религия	Антихрист

Исход данного противостояния еще не предрешен, однако выбор сторон конфликта и сущность «битвы» уже известны. Считается, что продолжение нынешних геополитических процессов приведет к уничтожению теллуократии, что будет означать конец истории. Обратная тенденция, а именно консолидация теллуократии в Евразии, сначала должна привести к подлинному двуполярному миру, что станет результатом установления евразийского контроля над морским побе-

режем, а затем – к концу истории под властью теллуократии. Дугин соглашается с Фрэнсисом Фукуямой в том, что конец истории будет скучным (С. 259-262).

Дугин утверждает, что государства, скорее всего, являются успешными в том случае, если их власти прислушиваются к своим геополитикам, и приводит в пример Мэхэна, Спикмена и Макиндера. В то время как Англия и США возвысились до мирового господства, Германия «на полвека выпала из истории», а немецкие геополитики подвергались гонениям (С. 96). Точно так же геополитика была запрещена в СССР, где она считалась буржуазной псевдонаукой⁴², а евразийцев-эмигрантов 1920-30-х годов постигла печальная судьба. Несмотря на то, что Ленин никогда не читал Макиндера, претензии геополитики на фундаментальное, объективное знание, несомненно, представляли собой вызов марксизму-ленинизму, и его отторжение геополитики подтверждало ее превосходство. Однако, как считает Дугин, поставив классовую борьбу выше территориальных принципов, марксизм-ленинизм исказил подлинные геополитические интересы России. Например, он полагает, что СССР был обречен на поражение в Холодной войне, в первую очередь, вследствие того, что Советский Союз не смог обеспечить контроль над южными морскими берегами, как то диктовали учения Мэхэна и Макиндера. Дугин стремится исправить «произвольное» геополитическое развитие России и выработать стратегию, направленную на восстановление статуса великой державы. В этих целях он обсуждает, а в некоторых случаях и публикует труды Рудольфа Челлена, Фридриха Науманна, Хэлфорда Макиндера, Альфреда Мэхэна, Видаля де ля Блаш, Карла Хаусхофера и Николаса Спикмена, тексты таких «современных атлантистов», как Дэниэл Мэйниг, Саул Коэн и Генри Киссинджер, а также работы евразийцев вроде Петра Савицкого и тексты таких антилиберальных теоретиков, как Карл Шмитт. В книге о заговорах и конспирологических теориях Дугин пишет, что войну континентов на протяжении всей истории ведут евразийские и атлантистские «ордена», функционирующие внутри сетей секретных организаций (таких как ЦРУ и КГБ) и тайных обществ (например, масонские ложи). Проповедуя противоположные метафизические доктрины, они вовлечены в «окультурную пуническую войну, невидимо продолжающуюся в течение тысячелетий»⁴³.

Дугин утверждает, что единственная целесообразная геополитическая стратегия России заключается в создании стратегического альянса с антиамериканскими большими пространствами – единственный масштаб, в контексте которого возможен подлинный суверенитет. Политические отношения внутри каждого большого пространства должны регулироваться чем-то вроде культурного и этнического псевдо-плюрализма, а автономия будет ограничена «лишь» стратегическим централизмом и полной лояльностью высшей властной структуре. Конеч-

⁴² О советской позиции в отношении геополитики см.: Hauner. What is Asia to Us?; Erickson. «Russia Will Not Be Trifled With».

⁴³ Дугин, А. Конспирология: наука о заговорах, тайных обществах и оккультной войне. М., 1993. Доступно также в интернете: <http://www.arctogaia.com/public/consp.htm>.

ной целью является создание континентального блока или же «империи империй», свободной от атлантистского влияния и способной вести глобальную войну за мировое господство.

Геополитика новой империи

Изучая российскую геополитическую стратегию Дугина, я рассматриваю его текстовые и графические интерпретации мировой политики на основе критического подхода к геополитике и критических работ по картографии. Я также сравниваю рекомендации Дугина с современной российской политикой и мейнстримными стратегическими доктринами.

Хотя Дугин говорит о важности плюральности и множественной идентичности, они крайне ограничиваются его стратегическими концепциями, которые определяются одним единственным метанарративом. О'Туатал утверждает, что «в рамках геополитического дискурса обращение к визуальным образам является инструментом отрицания внутреннего смысла текста и всякого различия»⁴⁴. Под пристальным геополитическим взглядом Дугина широкие, сложные ландшафты сокращаются до однородных участков, которые вводятся в ту или иную зону, произвольно «разбиваются» и «интегрируются». В своей жестокой простоте все эти текстуализации производят как геополитические фантазии, так и особый тип нео-империализма – действительно, Дугин иногда именуется «последним философом империи».

Свою стратегию Дугин иллюстрирует картами, на которых можно найти знакомые условные обозначения, включая специфические параметры масштаба (глобальные, континентальные и региональные), данных и маркировки (государственные границы, этноцентрические названия), символов (для обозначения границ, угроз и движения), названий и надписей, взятых из геополитической стратегии⁴⁵. Их беспощадная простота и очевидная целенаправленность дают возможность рассматривать подобные иллюстрации не в качестве карт, но – как писал Мерфи, описывая более сложные изображения времен Веймарской Германии – как «обычные картограммы; не карты как таковые, но политические карикатуры, выраженные в картообразной форме»⁴⁶.

Я полагаю, что их абстрактная природа, как выразился Харли, «снижает бремя ответственности за людей на этих территориях. Властные решения, таким обра-

⁴⁴ O'Tuathail, G. Dis/placing the Geo-politics Which One Cannot Want // *Political Geography*. 2000. Vol. 19. С. 389.

⁴⁵ Burnett, A. *Propaganda Cartography // The Geography of Peace and War / Ed. D. Pepper, A. Jenkins*. Oxford, 1985. С. 60-89.

⁴⁶ Murphy. *The Heroic Earth*. С. 167.

зом, отдалены от сферы непосредственных взаимоотношений лицом к лицу»⁴⁷. О народах, населяющих эти пространства, речь почти не ведется, разве что говорится об их «геополитической динамике». В этом выражается суть элитарной «науки», которая сама решает, что является важным, а что нет. По мнению Дугина, идея о том, что люди могут быть не заинтересованы ни в подчинении стратегическому диктату Континентального блока, ни в интеграции в экономический мир под властью США, вообще не может рассматриваться как серьезная альтернатива. Графические карты также демонстрируют противоречие между тем фактом, что «современная картография является продуктом картезианского мира»⁴⁸, и дугинской точкой зрения о том, что этот мир является интеллектуальным продуктом цивилизационного оппонента. Схожее противоречие можно обнаружить в том, что первые полные карты России были нарисованы во времена Петра Первого⁴⁹, но именно в этот период, по мнению Дугина, Москва начала утрачивать свой подлинный геополитический смысл под воздействием вестернизации. Таким образом, Дугин противостоит своему врагу, используя те же самые концептуальные инструменты, которые он осуждает.

Империя империй

В соответствие с дугинской доктриной, для того чтобы достичь геополитического суверенитета и победить в Великой Войне Континентов, Россия должна избавиться от атлантистских влияний в Евразии, ликвидировав все береговые зоны (rimlands), находящиеся под воздействием атлантизма. Только тогда Сухопутные силы смогут по-настоящему противостоять атлантизму в мировом масштабе. Эти отношения состоятся в рамках Евразийской «империи империй»: между расширенной Россией, Германией, Ираном и Японией будут созданы стратегические альянсы, а каждая из стран будет доминировать в соответствующем Большом Пространстве (см. Рис. 1). Очевидно, что на создание схемы «империи империй» Дугина в некоторой степени вдохновил план Хаусхофера по созданию Трансконтинентального блока стран, проигравших в Первой мировой войне: Германия и Япония (а также Италия, которую Дугин не считает важной геополитической силой), СССР, к которому затем должны присоединиться Китай и Индия⁵⁰. Доктри-

⁴⁷ Harley, J. *Maps, Knowledge and Power // The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past environments* / Ed. D. Cosgrove, S. Daniels. Cambridge, 1988. С. 303.

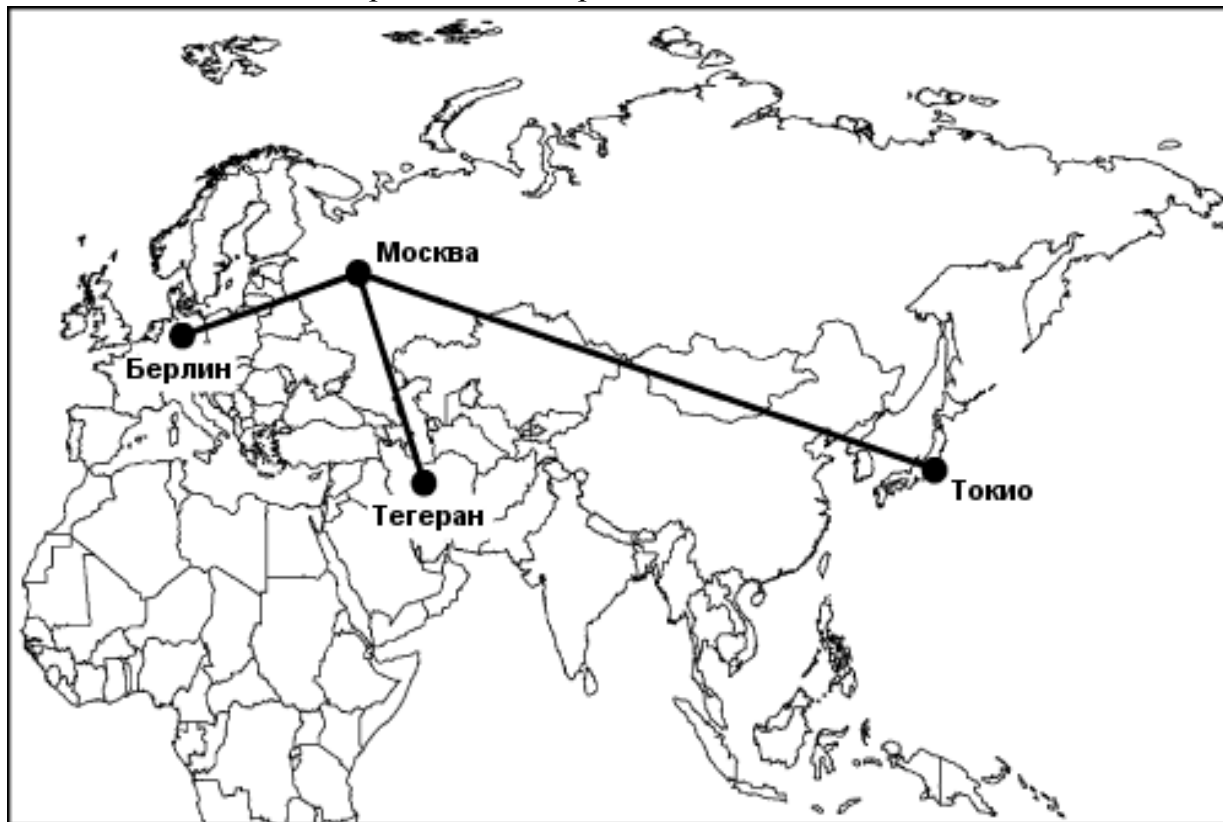
⁴⁸ Pickles, J. *Texts, Hermeneutics and Propaganda Maps // Writing Worlds: Discourse, Text and Metaphor in the Representation of Landscape* / Ed. T. Barnes, J. Duncan. L., 1992. С. 194.

⁴⁹ Bassin, M. *Russia Between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // Slavic Review*. 1991. Vol. 50. № 1. С. 1-17.

⁵⁰ Herwig, H. *Geopolitik: Haushofer, Hitler and Lebensraum // Journal of Strategic Studies*. 1999. Vol. 22. № 2-3. С. 218-241.

на Дугина, равно как и Хаусхофера, содержит «элементы плохо скрываемого плана отмщения (...), направленного против высокомерных англосаксонских сил»⁵¹.

Рис. 1. Основные оси Евразийского Стратегического Блока.

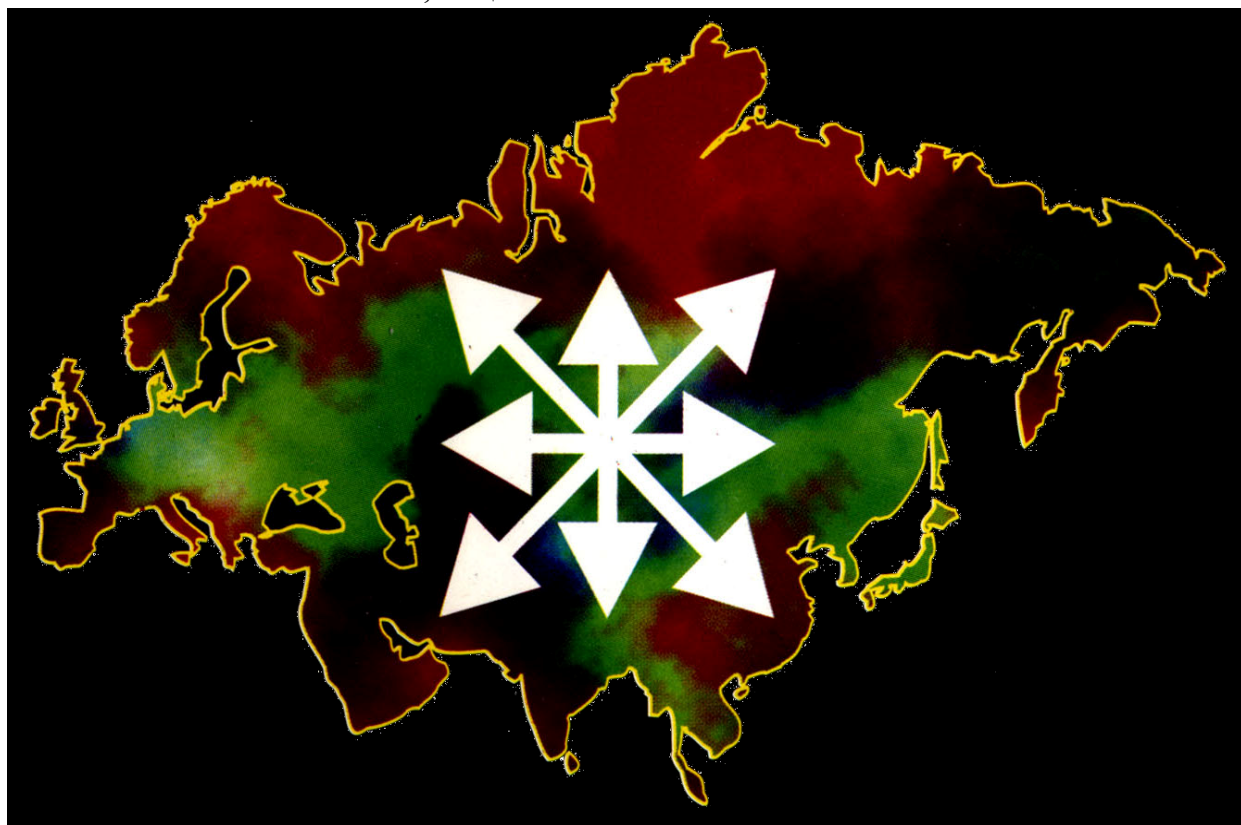
Россия занимает привилегированное положение в этом блоке, так как географически она идентична Центральной земле (heartland) – наиболее значительному пространству в Евразийской геополитике и родине русского народа, который является носителем уникальной Евразийской миссии. Несмотря на то, что интересы Евразийской Империи важнее интересов отдельных людей или народов, Дугин утверждает, что в случае с русским народом установление подобных приоритетов – по крайней мере, теоретически – излишне, так как эти интересы совпадают. Пиклз придает особое значение тому, что размещается в центре пропагандистских карт⁵². Привилегированное положение России в Евразии символически изображается на лицевой обложке *Основ геополитики* (см. Рис. 2)⁵³.

⁵¹ Hauner. What Is Asia to Us? С. 173.

⁵² Pickles. Texts, Hermeneutics and Propaganda Maps. С. 197.

⁵³ Разрешение на воспроизведение обложки получено от издателя.

Рис. 2. Основы геополитики, лицевая обложка.

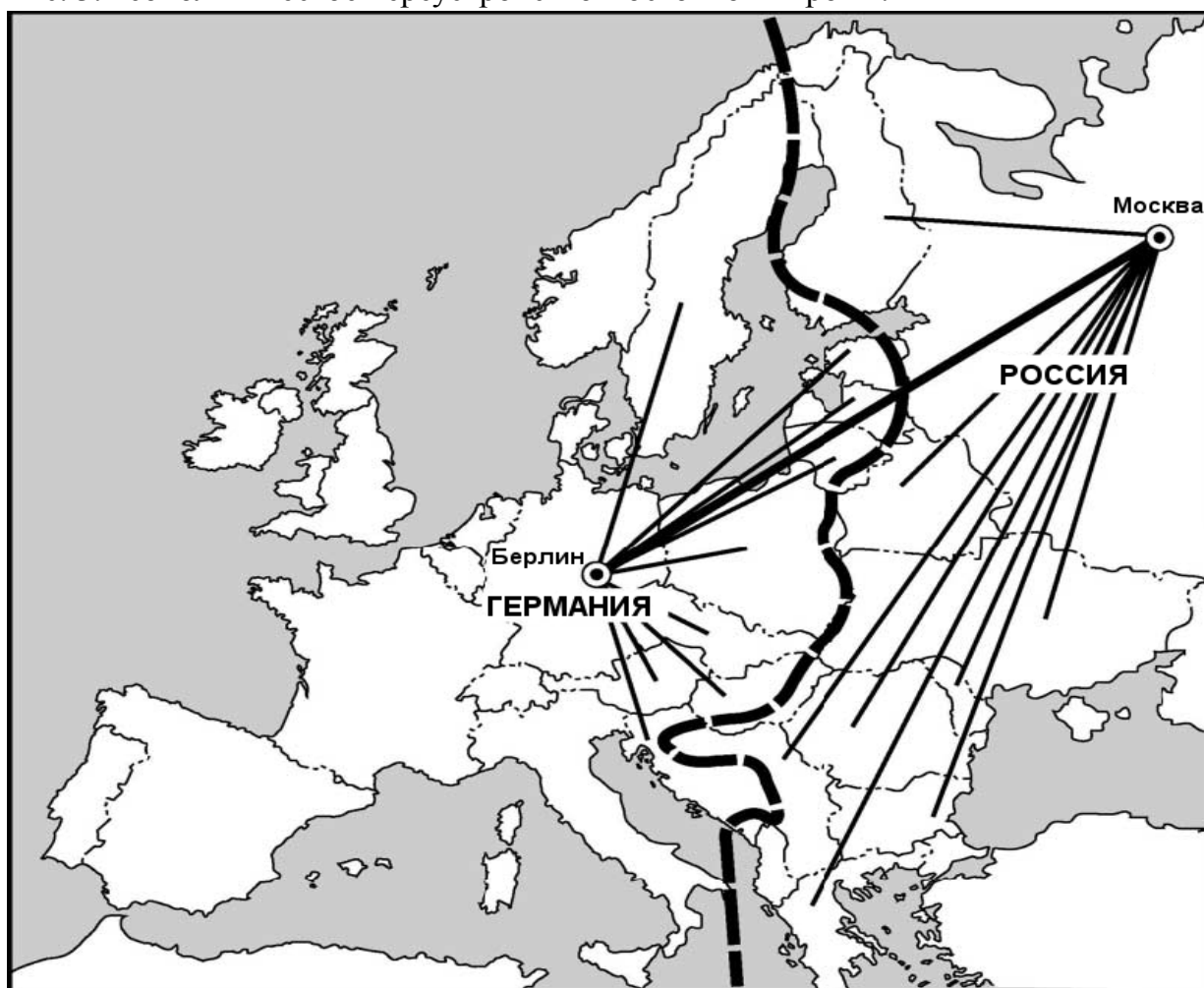
Изображение евразийского материка, включая Аравийский полуостров, материковый Индокитай, Японию, а также, как ни странно, Ирландию, Соединенное Королевство и Шри-Ланку, выполняет, по меньшей мере, три функции. В геометрическом центре расположен символ, состоящий из восьми стрелок, направленных в стороны материковых берегов (этот символ часто используется на веб-сайтах Дугина). Дугин объясняет, что данный знак символизирует полярную точку и является древним символом арийцев и северных народов, с которыми у русского народа якобы много общего. Во-вторых, символ отражает мысли Дугина о «векторах» и «осях» геополитического развития России. В-третьих, само изображение прямо передает идею стратегически объединенного евразийского материка.

Москва – Берлин

Данный альянс предусматривает передел «сфер влияния» между Россией и Германией в Восточной Европе (см. Рис. 3), «декомпозицию Украины» и создание Балканской Федерации (эти процессы описываются ниже в части о «внутренней геополитике России»). Европа должна быть «объединена» под руководством Германии, свободной от влияния США. Таким образом, Германия «вновь войдет в историю как субъект геополитики» и отбросит свой текущий «вассальный» статус. Второстепенная ось Берлин – Париж (где Париж следует голлистской линии,

что, как указывает Дугин, противоречит идеям Видаля де ла Блаша) призвана служить основой объединения Западной Европы, где атлантизм, скорее всего, будет представлять наибольшую проблему. Основной задачей должна стать изоляция Соединенного Королевства и подрыв его целостности путем поддержки сепаратистского национализма.

Рис. 3. Геополитическое переустройство Восточной Европы.

Москва – Токио

Дугин считает Японию наиболее подходящим партнером на востоке. Он крайне настороженно относится к Китаю и предлагает «отделить» от него Синьцзян, Тибет и Манчжурию, чтобы затем присоединить их российской Евразийской Империи (иллюстрацию см. на Рис. 4). Дугин полагает, что потепление отношений между Китаем и США, начавшееся с 1970-х годов, привело к тому, что Китай стал береговой зоной (rimland) и, следовательно, участником атлантистской стратегии. Очевидно, что те же самые аргументы можно высказать в отношении Германии и Японии, но, с точки зрения Дугина, у этих стран есть исторические традиции ан-

тизападнического «геополитического динамизма», который отсутствует у Индии и Китая (С. 229). Поэтому дугинский континентальный блок не может быть создан на основе альянсов с Индией и Китаем. Он утверждает, что Япония, напротив, занимает стратегическое положение в Тихоокеанском регионе, является «динамичным» государством и обладает собственной континентальной системой ценностей. Следовательно, территориальный спор о Курильских островах должен быть решен в интересах широкого альянса.

Рис. 4. Приблизительная линия разделения Китая.

Москва – Тегеран

Иран считается оптимальным партнером в процессе интеграции евразийского юга в рамках анти-атлантистского проекта. Для Дугина Иран важен тем, что он отличается большим размером, имеет тесные связи с Центральной Азией, проявляет радикальный антиамериканизм и демонстрирует традиционный подход к обществу и религии. Альянс с Ираном также позволяет России получить стратегический выигрыш – выход к теплым морям. Кроме того, Иран и Россия смогут

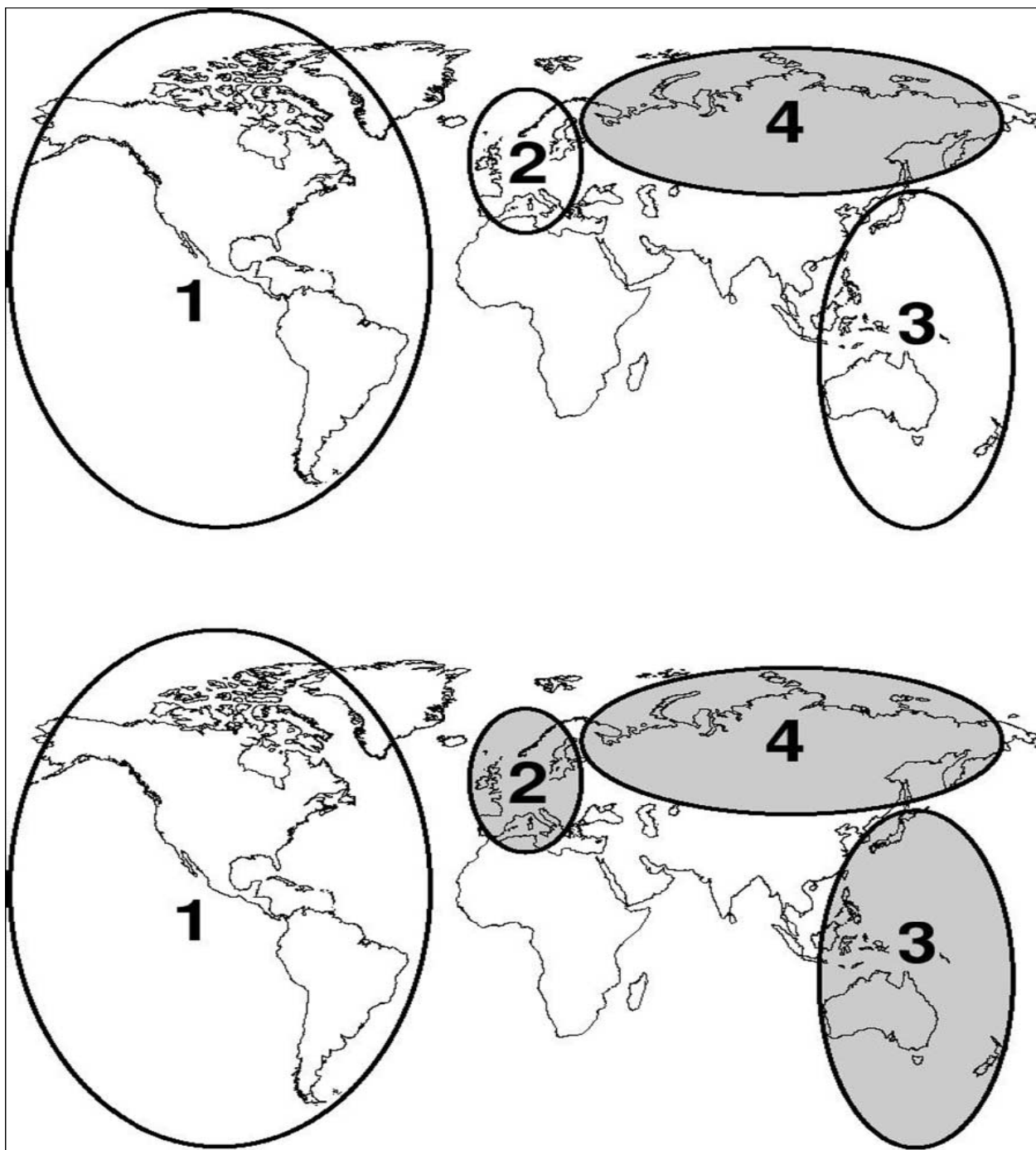
объединить усилия по решению проблем на Кавказе и в Центральной Азии. Про-западная ориентация Турции расценивается как угроза, равно как и «ваххабитская» форма исламского пуританизма, связываемая с проамериканской Саудовской Аравией и анти-Евразийским сопротивлением в Афганистане. Дугин призывает к созданию альянса с «традиционными», «Евразийскими» формами ислама, которые признают близость к российскому православию и разделяют неприязнь к Западу.

Евразийский Трилатераль

Создание Континентального блока также обусловит реорганизацию мировой экономики. Дугин приписывает огромное значение Трехсторонней Комиссии (Трилатераль), Совету по международным отношениям, Бильдербергскому клубу⁵⁴ и, в особенности, Збигневу Бжезинскому (который считает Евразию «Великой Шахматной доской» и выступает за «геополитический плюрализм»), видя в них «настоящие центры по принятию решений на Западе». Подобные учреждения играют ключевую роль в продвижении «мондиализма» (данный термин Дугин позаимствовал у французских Новых правых) – идеи единого мира под руководством мирового правительства, которое также подвергается критике со стороны американского Патриотического движения и бесчисленного множества конспирологов. По мнению Дугина, именно инициативы, исходящие от Трехсторонней Комиссии, положили начало «новому политическому мышлению» Горбачева и перестройке, которая привела, в терминах Дугина, к «геополитическому самоуничтожению Центральной земли [heartland]». Отсюда возникает необходимость образования «Евразийского Трилатералья» (см. Рис. 5), стимулом создания которого станет стратегический «ядерный зонтик» России, перспективы доступа к сырью и независимость от атлантистской политики, а, следовательно, и подлинный суверенитет.

⁵⁴ См. об этих организациях: Gill S. *American Hegemony and the Trilateral Commission*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Рис. 5. Трилатераль и анти-Трилатераль.

Внутренняя геополитика России

Евразийский геополитический анализ Дугина основывается на предпосылке, что только контроль над Большим Пространством гарантирует геополитическую безопасность. Ни Россия в качестве моноэтнического государства, уступающего по размерам Российской Федерации, ни Россия в качестве государства-нации, об-

разованного на основе Российской Федерации, не являются геополитически жизнеспособными, поэтому Россия должна быть Евразийской империей (см. Рис. 6).

Рис. 6. Россия в качестве Евразийской Империи

Следовательно, «внутренняя геополитика России» происходит из российской «планетарной миссии» и затрагивает многие ныне независимые государства, которые должны быть интегрированы с Москвой посредством укрепления «центростремительных тенденций» по «внутренним осям». В настоящее время Российская Федерация представляется лишь переходным явлением и не соответствует идее России как субъекта геополитики. Необходима интеграция по всем направлениям – на севере, юге, западе и востоке. Объединение с семью секторами «Евразийского Юга» должно проходить в соответствии с геополитическим «законом», утверждающим, что если широтные связи (т.е. связи, независимые от Москвы) и интеграция могут стать причиной острых конфликтов, то объединение по долготе (с центром в Москве) ведет к стабильности. Единственным императивом на юге является выход к теплым морям. В широком смысле слова «Евразийский юг» простирается от Анатолии до Кореи.

На юго-западе Сербия и Болгария должны стать основой Балканской Федерации, возможно, вместе с Грецией. По прогнозам Дугина, на Македонии будут сосредоточены атлантистские стратегии. Молдавия должна перейти под контроль

Москвы. Независимость Украины представляется угрозой для Центральной земли (heartland), так как это позволяет атлантистам создать «санитарный кордон» из стран, отделяющих Россию от Германии и рассчитывающих на геополитическую поддержку Запада, как это полагал Макиндер в 1919 году. «Украина как самостоятельное государство (...) представляет собой огромную опасность для всей Евразии, и без решения украинской проблемы вообще говорить о континентальной геополитике бессмысленно» (С. 348). Поэтому Украина должна подвергнуться «декомпозиции»: западная Украина станет частью Центральной Европы, Крым и Киев войдут в «Малороссию», а восточные земли отойдут России.

В кавказском регионе особая роль отводится Армении, как опорного пункта противостояния «тюркской экспансии». Другие проблемы будут решены в сотрудничестве с Ираном. Данный сектор должен быть интегрирован по оси Москва – Баку – Тегеран, а российский Северный Кавказ – более плотно связан с Москвой. Чечню следует отделить от Дагестана, чтобы воспрепятствовать доступу чеченцев к Каспийскому морю. Кроме того, рекомендуется исключить любые атлантистские попытки по разрешению конфликтов данном регионе. Дугин выражает особую озабоченность в отношении «пантуранской угрозы», исходящей от Турции, которая находится в альянсе с атлантизмом. Дугин очерчивает две линии данной угрозы: в грубой форме, напоминающей эффект домино, они графически представлены стремительными стрелками (см. Рис. 7).

Рис. 7. Пантуранский геополитический проект.

Первая идет на север через Татарстан, а вторая – через Туву и Якутию. Вторая перспектива представляет особую угрозу, так как Якутия в значительной мере совпадает с «землей Лены» (Lenaland), которую Макиндер определял как плохо интегрированное пространство, способное служить основой атлантистского стратегического планирования. В силу этого, необходимо внимательно следить за автономией данного региона.

В заключение Дугин предвидит «позиционную войну» с атлантизмом за Центральную Азию. Считается, что победа России разрешит множество проблем Центральной земли (heartland) – например, доступ к Ближнему Востоку и стратегический альянс с Индией. И вновь Турция исключается из данного процесса, а Россия действует во взаимодействии с исламским, «арийским» Ираном. Регионы, по большей части населенные русскими (такие как северный Казахстан), а также некоторые части северного Китая должны перейти под прямое управление Москвы.

Несмотря на существующие параллели между дугинскими идеями о континентальном блоке и отдельными аспектами российской официальной политики, а также мейнстримными стратегическими доктринами, между ними также есть очевидные отличия, не в последнюю очередь как результат того, что можно описать как попытку Дугина выдать желаемое за действительное. Даже если рассматривать доктрину Дугина в качестве гипотетической проекции, то все равно силы России и ее атлантистских противников откровенно преувеличиваются (особенно в отношении России), различия между потенциальными союзниками, наоборот, преуменьшаются, а возможные стратегические последствия многих предложенных инициатив попросту игнорируются.

Агрессивное отношение России к Западу действительно стало характерно для российской внешней политики после назначения Евгения Примакова министром иностранных дел в 1996 году и натовских бомбардировок Ирака и Югославии⁵⁵. Примаков считал, что Россия должна играть более весомую геополитическую роль на бывшем советском пространстве и искать союзников в Азии и на Ближнем Востоке в целях уравнивания влияния США. Российская Концепция национальной безопасности, принятая в 1997 году, утверждала российские интересы в бывших республиках СССР, на Ближнем Востоке, в Центральной и Южной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. В ней также выдвигалась концепция многополярного мира, но при этом говорилось о партнерских взаимоотношениях с Западом. В Концепции, принятой в 2000 году, идея партнерства с Западом уже не присутствовала. Помимо того, что в издании 2000 года основными угрозами России назывались внутренняя слабость государства и экономическая ситуация, в ней также шла речь об ослаблении ООН и ОБСЕ, расширении НАТО и предпо-

⁵⁵ Cohen, A. The «Primakov Doctrine»: Russia's Zero-Sum Game with the United States // Heritage Foundation Policy Paper. № 167. 15 декабря 1997. <http://www.heritage.org/library/categories/forpol/fyi167.html>.

лагаемых попытках США установить однополярный мировой порядок⁵⁶. Сотрудничество с «ведущими государствами» предусматривалось, но уже не упоминалось о партнерстве с США. В Концепции также говорилось о необходимости укрепления безопасности России, в частности, путем недопущения «научной и технологической зависимости», из чего неизбежно следует потребность в увеличении государственной поддержки отдельных военно-промышленных предприятий.

Идея о воссоединении стран бывшего Советского Союза под руководством России находит широкую поддержку во влиятельных российских внешнеполитических кругах и является определенной целью внешней политики России. Однако способности российских элит и их союзников к эффективной реинтеграции, а также их готовность начать объединение на условиях, которые могут оказаться невыгодными, не следует преувеличивать⁵⁷. Россия остается слабой региональной силой, охваченной внутренними проблемами и продолжающимся демографическим, социальным, политическим и экономическим кризисом, не говоря уже о том, что постсоветские страны испытывают аналогичные трудности.

Помимо бывшего Советского Союза российские внешнеполитические круги занимались попытками восстановить советские контакты с рядом стран, которые США ранее называли «странами-изгоями», а позднее – «государствами, вызывающими тревогу» (Ливия, Иран, Ирак, Северная Корея и Куба), а также со странами, чьи претензии на региональную гегемонию не приветствуются (Китай и Индия)⁵⁸. Развитие ситуации в конце 1998 – начале 1999 годов предполагало скорее возможное появление «стратегического треугольника», который образовали бы Россия, Китай и Индия, чем возникновение евразийского блока⁵⁹. Несмотря на то, что подобный альянс можно было бы рассматривать как враждебный США⁶⁰, Дугин утверждает, что данная стратегическая линия ошибочна, потому что в отсутствие евразийского блока у Китая и Индии не будет геополитических предпосылок для обретения подлинного суверенитета и поддержания динамики

⁵⁶ Концепция национальной безопасности Российской Федерации. 2000. <http://www.scrf.gov.ru/Documents/Decree/2000/24-1.html>; Wallander, C. Russian National Security Policy in 2000 // Program on New Approaches to Russian Security Policy Memo. 2000. № 102. <http://csis.org/files/media/isis/pubs/pm0102.pdf>.

⁵⁷ См., например: Kuzio, T. Promoting Geopolitical Pluralism in the CIS: GUUAM and Western Foreign Policy // Problems of Post-Communism. 2000. Vol. 47. № 3. С. 81-114. См. также: Sakwa, R., Webber, M. The Commonwealth of Independent States, 1991-1998: Stagnation and Survival // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. № 3. С. 279-415. См. о слабости СНГ: Kolossov, V., O'Loughlin, J. Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Trans-Dniester Moldovan Republic (TMR) // Geopolitics. 1998. Vol. 3. № 1. С. 151-176.

⁵⁸ Kuchins, A. Russia's Strategic Partnerships and Global Security // Program on New Approaches to Russian Security Policy Memo. 2000. № 165. <http://www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=601>.

⁵⁹ Tapply, S. Russia: Prime Minister's Visit to India Renews Old Ties // RFE/RL Features. 1998. <http://www.rferl.org/content/Article/1090240.html>; Felgenhauer, C. Asian Triangle Shapes Up // Moscow Times. 25 февраля 1999.

⁶⁰ Primakov Wraps up Visit to India... Clarifies Statement on «Strategic Triangle» // RFE/RL Newline. 22 декабря 1998.

развития. Опасения Дугина в отношении Китая отражают беспокойство российских стратегов, которые предостерегают против продажи современных систем вооружения историческому врагу и потенциальному конкуренту в Центральной Азии, чей демографический и экономический потенциал намного превосходит российский⁶¹. Однако что касается России, важность российско-китайских отношений свидетельствует не столько о перспективах долговременной стратегии или же подлинно стратегических альянсах, сколько о насущных, краткосрочных проблемах – нехватке рынков сбыта российской продукции (в основном обычных видов вооружения), недостатке доступа на рынки энергоресурсов и желании вернуть утраченный статус. Договоры о стратегическом партнерстве с Китаем (1996), Индией (2000) и Ираном (конец 2000 года) были скреплены при помощи контрактов о поставках вооружений, но, несмотря на разного рода трения и на то, что Дугин одобряет эти договоренности, ежегодный объем торговли Китая и Индии с США намного превосходит уровень товарооборота с Россией. Учитывая постоянное укрепление глобальных взаимосвязей, создание автаркических стратегических блоков, предлагаемых Дугиным, становится еще менее реалистичными.

Неофашизм и геополитическая динамика

С геополитической доктриной Дугина переплетается совокупность философских и метафизических идей, которые, во-первых, составляют его мировоззрение, а, во-вторых, определяют силы, скрывающиеся за его вариантом геополитической динамики. Помимо того, что Дугин называет себя евразийцем, он также идентифицирует себя в качестве сторонника двух крайне реакционных идейных позиций: Консервативной Революции, стремящейся создать новый порядок на основе нео-традиционных моделей религии, государства, нации и экономики, и национал-большевизма, в рамках которого Советский Союз рассматривается в сущности как Российская Империя. Он также заимствует многие идеи из послевоенных инициатив по воссозданию фашистского проекта после поражения стран Оси: главным образом, движения «Новых правых», а также еврофашизма и «Третьей позиции»⁶². Таким образом, он обращается к известным фашистским и неофашистским темам. Здесь я обращаю внимание на три из них. Первая тема – это представление Дугина об органической природе русского сообщества. Вторая – абсолютное неприятие либерализма и отвержение других традиционных политических позиций. Третья – обращение к мистицизму и оккультным формам знания.

⁶¹ См. критический обзор российско-китайских отношений: Trenin, D. *Russia's China Problem*. Moscow, 1999.

⁶² См. об этих течениях: *Fascism* / Ed. R. Griffin.

Дугинский эклектизм и непоследовательность сами по себе могут указывать на принадлежность его доктрины к фашистской традиции. Его работы изобилуют восхвалениями мыслителей, которые ассоциируются с фашизмом и неофашизмом – Карла Шмитта, Юлиуса Эвола, Робера Стойкерса, Алена де Бенуа, Жана Тириара и Жана Парвулеску, а также менее однозначных фигур – Эрнста Юнгера, Мартина Хайдеггера и Фридриха Ницше. Название его журнала *Элементы* заимствовано у французского «новоправого» издания. На самом деле все, кто противостоит «системе» – от Джонни Роттена до Алистера Кроули – заслуживают похвалы со стороны Дугина.

Дугин видит в России органическое природное единство. Источником этого единства являются два синтеза – этнический и геополитический, который, в свою очередь, наделяет Россию международным значением и имперостроительной миссией. Этнический синтез финно-угорских, славянских и тюрко-монгольских элементов, который обнаруживается в русском народе, указывает на то, что русская идентичность является достаточно широкой, а узкий этнический национализм не подходит для России. Это вызвало критику евразийства со стороны этнических националистов и пан-славянистов, а также тех фашистов, для которых скорее свойственен расовый критерий. Несмотря на то, что Дугин пишет о положительных характеристиках арийской расы, его нельзя обвинить в прямом расизме. Он утверждает, что следует разделять кровь и почву, расу и геополитику, а в некоторых местах Дугин пишет о том, что фатальная ошибка нацизма состояла как раз в его неспособности разделять эти понятия. Вместо одобрения антисемитизма (что соответствовало бы его бывшему членству в «Памяти»), Дугин выделяет в еврейской истории различные группы, которые в определенное время и в определенных местах поддерживали атлантизм, а в других условиях – евразийство (евреи «хасидско-традиционалистской ориентации»). Учитывая то, что Россия включена в смертельное противостояние с атлантизмом, «еврейский вопрос» должен быть, несомненно, решен, но менее изоциренные, с интеллектуальной точки зрения, экстремисты полагают, что Дугин пытается уйти от прямого ответа. Например, Русский Национальный Собор Александра Стерлигова обвиняет Дугина в старом грехе космополитизма и нежелании бороться с сионизмом. В ответ Дугин называет подобных людей «слабоумными»⁶³.

Русская идентичность является также пространственно обусловленной, что является результатом синтеза степей и лесов (и дополнительно – тундры и пустынь). Московский период российской истории, наступивший после двух столетий монголо-татарского ига, завершившегося в XV веке, является ключевым для дугинской версии евразийства. Он полагает, что именно в этот период Россия получила «имперостроительный импульс» от наследников Чингисхана и приступила к исполнению своей подлинной геополитической миссии, расширяясь в евра-

⁶³ Sirotnin, V. The Russian National Council // Moscow News. 1 июля 1994; Dugin. The Magic Disillusion of a Nationalist Intellectual.

зийском пространстве. Русская идентичность представляется бессмысленной без империи. Влияние вестернизации на российский империализм в петровскую эпоху оценивается двояко. С одной стороны, вестернизация угрожает евразийству, но, с другой стороны, мощь России значительно возросла, и Дугин утверждает, что определенные западные технологии – но не общественные модели – могут быть использованы в евразийских целях. Это отделяет Дугина от архаических нео-луддитов, которых он жестко критикует⁶⁴.

С точки зрения Дугина, либерализм представляет собой геополитическую идеологию, воплощение талассократии. Либерализм противостоит «идеократии» теллурократий, включая все формы недемократического, нелиберального правления, основанные на нематериалистических и неутилитарных принципах. Таким образом, авторитаризм и тоталитаризм считаются подходящими формами правления в евразийских государствах. Соответствующие культурные типы либерализма и евразийства (торговец и герой) демонстрируют маскулинистскую природу дугинской доктрины. Быть евразийцем – значит быть воином: героизм положительно сочетается с противостоянием, насилием, войной и империализмом. Дугин вспоминает о женщинах лишь в контексте обсуждения семейной политики и в призывах запретить контрацепцию и аборты.

Дугин считает, что либерализм происходит из определенного места – Запада – и выражает его интересы. Природа времени и пространства рассматривается в его работе *Мыслить пространством*, в которой историческое время и картезианское пространство ассоциируются с временной парадигмой, количеством, атомизацией, контрактом и Западом. Происхождение указанного времени и пространства восходит к древнееврейским источникам в следующем пассаже: «Авель родил Оккама, Оккам родил Декарта, Декарт родил Канта, Кант родил Конта, Конт родил Поппера, Поппер родил Фукуяму»⁶⁵. «Фальшивому» универсализму временной парадигмы противопоставляется идеократическое видение культурного плюрализма: «В каждой зале – свое время, свой этнос, своя культура».

Вместо экономических моделей, основанных на коммунизме и капитализме, предлагается некий третий путь к социализму, который может быть отчасти реализован благодаря сталинистскому «мобилизационному режиму». Он будет функционировать в пределах протекционистской «четвертой геоэкономической зоны», образованной на основе существующего таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана, а его конечной целью является создание автаркии, которая, как предполагается, возможна на больших пространствах. Данная зона будет иметь собственную валюту, хотя Дугин выступает против того отчуждения, кото-

⁶⁴ Dugin. *The Magic Disillusion of a Nationalist Intellectual*. См. о различиях между модернизаторами и нео-луддитами: Allensworth. *The Russian Question* (глава 8); об архаизме: Shenfield, S. *Post-Soviet Russia in Search of Identity // Russia's Future: Consolidation or Disintegration?* / Ed. D. Blum. Oxford, 1994. С. 5-16.

⁶⁵ Дугин. *Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством*. С. 599.

рое присуще деньгам. Россия будет поставлять сырье своим стратегическим партнерам (Германии и Японии) в обмен на высокие технологии.

Дугин полагает, что «пора возвращаться в миф»⁶⁶. Он пытается объединить русское древнее православие, которое практикуется староверами (не принявшими церковной реформы Петра Великого), с языческим пониманием природного порядка стихий в целях установления священного статуса геополитической идентичности и миссии России. Он также обращается к идеям Карла Шмитта, который предложил теорию «света Севера» (Nordlicht). Шмитт утверждал, что государственные образования коренятся не в либеральной теории, но в сакральном мире стихий и духов. Способы организации общественной жизни на сухопутных и морских пространствах фундаментально отличаются друг от друга. Государства, возникшие «на суше», характеризуются справедливыми отношениями между столицей и провинциями, в то время как «морским» государствам свойственно наличие эксплуататорской метрополии и подчиненных колоний. В результате возникают несовместимые и абсолютно различные общества. Море крайне враждебно Суше, и в заключительном эссе *Основ геополитики* («Апокалипсис стихий») глобальная победа атлантизма сравнивается с библейский Великим Потопом. Земля и Суша – единственные стихии, которые могут породить цивилизации (воздушные силы и завоевание Космоса – это плоды «номоса Моря»). Дугин считает, что эти стихии лежат в основе качественного понимания земного пространства: Земля – это стабильность, прочность, неподвижность, пространство как таковое. Вода – это подвижность, мягкость, динамика и время – как внутри человека, так и во внешнем мире. Таким образом, стихии (главным образом земля и вода) и сверхъестественное (например, в случае с космической пассионарностью) оказывают определяющее влияние на сознание. Одно или другое характеризует все общества, и это важнейшее противопоставление является организующим принципом дугинского мировоззрения. В заключение он предлагает свою интерпретацию мистического значения стрелок компаса. Несмотря на то, что Дугин признает некоторую «сложность» этой проблемы, в сакральной географии (в противовес либеральной политической теории) восток и север занимают привилегированное место и наделяются положительным содержанием, а в общей географии они связываются с Россией, которая, в свою очередь, ассоциируется с мифическими континентами Гиперборея и Арктогея. Юг и запад находят свое воплощение в атлантизме.

Заключение

В этой статье я попытался охарактеризовать то место, которое занимает Александр Дугин в современных российских дискуссиях о геополитике, и расширить

⁶⁶ Там же. С. 764.

область критической геополитики. После развала Советского союза и крушения марксистско-ленинского метанарратива Россия в некотором смысле обратилась к геополитике, положения которой используются для полного пересмотра места и роли России в мире. В то же время О'Лафлин указывает на пропасть, разделяющую евразийские геополитические идеи наподобие дугинских и заботы обычных россиян⁶⁷. Но, несмотря на то, что Дугин не пользуется широкой общественной поддержкой и никоим образом не является вдохновителем российских внешнеполитических решений, «малозначительным» его назвать нельзя. Российский сдвиг в сторону официального евразийства привел к созданию политического дискурса, в рамках которого отдельные аспекты дугинской доктрины совпадают с официальной политической позицией и консенсусом элит, и именно в нем Дугин нашел свое место, хотя он по-прежнему остается довольно маргинальной фигурой. В целом его доктрина по-прежнему преследует неофашистские цели, но при этом он выступает «экспертом по геополитике» в российской Думе и отдельных российских СМИ, а некоторые идеи дугинского евразийства проникли в публичный дискурс. Например, Павел Фельгенхауэр, авторитетный мейнстримный эксперт по вооружениям, говоря о тесных связях между Россией, Китаем и Индией, заявил, что «растущее сближение базовых интересов объединяет крупнейшие страны азиатского континента в их противостоянии западным морским державам»⁶⁸. Как утверждают Цыганков и О'Лафлин, в случае эскалации напряженности с Западом по вопросам каспийской нефти, расширения НАТО и противоракетной обороны, жесткие положения евразийской геополитики скорее всего приобретут еще большую популярность, что приведет к усилению влияния военных и органов безопасности и к еще большей утрате перспектив подлинной демократизации.

Перевод с английского: Антон Шеховцов.

⁶⁷ O'Loughlin. Geopolitical Fantasies and Ordinary Russians.

⁶⁸ Felgenhauer. Asian Triangle Shapes up.